

ЭВЕЛИНА АЗАЕВА

КАНАДСКИЙ КЛЁН СТУЧИТ В ОКНО

РАССКАЗЫ

СЛУЧАЙ НА ДОРОГЕ

Здравствуйтесь, меня зовут Александр Суханкин, я канадский иммигрант. Приехал в Торонто из Алма-Аты и живу здесь уже семь лет. За это время я сократил своё имя до Алекса, нашел более или менее стабильную работу по своей компьютерной специальности, купил в кредит дом, и от меня ушла жена. Жена ушла не к мужику, а к бабе. Только в прогрессивном и подлинно демократическом государстве она вдруг поняла, что любит женщин.

Одиннадцатилетняя Маруська, наша дочь, разумеется, живёт со мной. Вот я написал “разумеется”, но на самом деле вовсе и не разумеется. В Канаде гомосексуальным парам детей дают воспитывать с гордостью, фото таких семей печатают на первых страницах газет, как у нас когда-то печатали передовиков производства. Но, к моему счастью, бывшая супруга с её подружкой растить Марусю не возжелали и удовлетворились тем, что моя дочь будет

АЗАЕВА Эвелина Шамильевна родилась в 1970 году в Алма-Ате, окончила журфак Казахского государственного университета. С 1991 года жила в Новосибирске. Работала собкором “Комсомольской правды” в Сибири. С 1998 года живёт в Канаде. 14 лет издавала газету “Комсомольская правда в Канаде”. Является корреспондентом “Комсомольской правды” в этой стране. С 2018 года издаёт газету на английском языке. Автор двух сборников рассказов, вышедших в Канаде, — “А хочешь в Канаду?” и “Полное накрытие”. Печаталась в журналах “Нева”, “Аврора”, “Огни Кузбасса”, “Крым”, “Байкал”. Дипломант 1 степени литературного конкурса “Мгинские мосты” (Санкт-Петербург 2021). Член Новосибирского отделения Союза писателей России.

посещать их по выходным. Я бы, конечно, и это запретил, но если я только посмею не пустить Машку к матери, ко мне приедут двое, с конвоем. Оденся, скажут мне, и выходи.

И тогда Машку отдадут матери насовсем, поскольку я — нарушитель прав женщины и гомофоб. А ничто в Канаде не является для её граждан более мерзким. Каждый приехавший должен зарубить себе на носу, что в стране этой уважать он обязан женщин, гомосексуалистов, полисменов и бобров с гусями — символы Канады.

Поэтому каждые выходные я отпускаю Марусяку к жене с неописуемым чувством. Во мне кипят ненависть, стыд и страх. Страх, что дочка увидит что-то непотребное, что... в общем, вы понимаете, и в итоге я останусь без внуков. Да и без дочки. И тогда я буду совсем один. Я часто думаю об этом. Дочь — единственное, что у меня есть.

А женщины, спросите вы? А женщин у меня нет. Когда работал на стройке и ездил на подержанной машине, к женщинам подходить было бесполезно. Сейчас не шарахаются, но теперь шарахаюсь я. Последнее моё знакомство зовут Ольга, она тоже иммигрантка. Едем мы с ней в первую нашу встречу в моей машине, она в солнцезащитных очках. Я ей:

— Какие у тебя очки красивые!

Она:

— Хочешь, продам? Всего семьдесят пять долларов. — И тут же начала мне пропихивать, наряду с очками, какие-то пищевые добавки и фильтры для воды.

Я даже и не знаю, есть ли здесь женщины, в мозгах которых не наступает замыкание, как только они понимают, что я не только сексуальный партнёр, но и потенциальный покупатель. А ведь я не уродлив, мне всего 35, и в Алма-Ате я женщинам нравился.

Я уже и не сужу их, канадских женщин. Система заглотнула их с каблуками, и даже наши иммигрантки, кто быстрее, а кто медленнее, перестраиваются. Однажды одна случайная знакомая привела меня в пустую квартиру и отдалась. Я думал, это любовь. Я трепетал, я чуть не плакал. А она после всего спросила, обведя красивыми глазами комнату:

— Тебе здесь нравится? — И в ответ на мой неосмысленный, совершенный в состоянии аффекта кивок, добавила: — Хочешь купить?

Оказалось, риэлтор. И это квартира на продажу. Хозяева — в Штатах. Я думал, это любовь, а это был “шоунинг”. То есть, когда продавец с выдумкой демонстрирует свой товар.

Марусяка в этом году пошла в новую, католическую, школу. Эти школы лучше, и я долго обивал пороги, чтобы туда приняли мою дочь. А мне в ответ говорили:

— Нельзя, вы православные.

А я им указывал на то, что у них учатся дети моих друзей — прихожан Украинской Православной Церкви. А мне говорили:

— Да, потому что украинцы с нами сотрудничают, а русские — нет.

В итоге, через школьное управление и с помощью благотворительной католической организации, которая помогает всем, независимо от конфессиональной принадлежности, Марию всё-таки приняли.

Одной её подружкой в классе стала еврейская девочка, а второй — иранка. Но я не стал спрашивать, сотрудничают ли раввины и имамы с католиками больше, чем православные. Радость — она молчалива, это недовольство кричит.

Раньше Машка училась в обычной государственной школе. И у неё были проблемы. Одна, например, возникла после того, как учительница сказала на уроке:

— Все католические страны — богатые. А все православные — бедные.

Маруся сообщила, что Россия до революции была одной из самых богатых стран, да и после революции превратилась в могущественную державу, а сейчас снова набирает обороты, даже флаг в Арктике поставила.

Этого делать было не нужно. Особенно про Арктику. Оценки у моей Мэри упали.

Потом мы съездили с Машкой на Кубу, оба были в восторге, и, естественно, что когда мы вернулись и в школе ей задали написать реферат про любую страну, она выбрала Кубу. Накатала десять страниц, на обложку приклеила фото Фиделя Кастро, Че Гевары и нарисовала кубинский флаг.

Реферат вернулся с самой плохой оценкой. А вскоре на Машку вызвали полицию за то, что она якобы сексуально приставала к однокласснице. Это выразилось в том, что девчонки повздорили в туалете, и моя со злости оттянула резинку на трусах у неприятной ей особы и отпустила. Вообще, оттянуть резинку у канадской девочки нетрудно — стринги у них выглядывают из джинсов, мода такая. Та пошла к директору и сказала, что Мария пыталась снять с неё трусы. Директор вызвал полицию...

Как нас запугивали полицейские — это не описать. И мы перешли в другую школу.

Это было четвёртого сентября, в первый школьный день. Марусю обещали забрать в школу на школьном автобусе. Она поднялась ни свет, ни заря, нарядилась — белый верх, тёмно-зелёный низ, форма такая, и стала ждать, пока проснусь я. Потом торопила, потом побежала впереди меня к перекрёстку, где должен был ждать автобус. Я смотрел на дочь и думал: как всё-таки славно устроены дети — у меня её школа оставила горький осадок, а она уже за лето всё забыла.

Автобус не пришёл. Мы простояли двадцать минут и поняли, что пора ехать своим ходом, иначе опоздаем. Машка страшно волновалась — в новую школу, в первый день, и опоздать! Только мы выехали из своего переулка, как ко мне сади пристроилась полицейская машина. Мигает...

— Вы превысили скорость, — сообщила мне похожая на бульдозер полицейская. Она была в бронежилете и тёмных очках — совсем как в боевиках. — Ваши права!

Она разглядывала права, а я разглядывал её в зеркальце заднего вида. Типичная канадская ментура. По внешности их выбирают, что ли? Коренастая, твёрдо стоящая на ногах, этакий мустанг. Волосы светлые, забранные в пучок. Сняла очки. Глаза светлые. Они в большинстве своём голубоглазые, эти полисвумен.

Знакомые, сталкивавшиеся с канадской полицией по всякого рода мелким делам, — кто-то выгнал неплатящего квартиранта, другой совершил мелкую аварию — говорят, что полиция ведёт себя жёстко. Подозревают, что из нелюбви к русским. Но доказательств нет, напрямую никто ничего не говорит. А взгляды и тон к делу не подошьёшь. Коллега-араб уверяет, что с ним обращались вообще, как с животным. Вернее, хуже, чем с животным — к животным в Канаде отношение любовное. Так что, может быть, полиция вообще со всеми такая сволочная, а может, только с иммигрантами, и неважно, из какой страны...

— Ну, когда же нас отпустят? — нервничает Маруська. Я и сам уже тарабанно пальцами по рулю. Опаздываем. Уж выписала бы эта дочь мустангов штраф и отпустила.

А она пишет и по рации разговаривает. Выйти к ней и попросить отпустить нас быстрее — нельзя. Положено оставаться за рулём, а то могут принять за нападение. И начать стрелять. Случаи уже были. Когда стреляли, скажем, в семнадцатилетнего мальчишку, начавшего вытаскивать руки из карманов. Полицейскому показалось, что тот вынимает оружие, и пацана убили. Потом какая-то газета опубликовала число убитых полицией за последние десять лет — три тысячи человек. Внутреннее расследование показало, что полиция была неправа только в семи случаях...

— Ну, хоть бы по ногам стреляли! — возмущалась тогда жена моего приятеля.

— По ногам нельзя — выживший потом полицейского засудит, потому бьют наверняка, — объяснял ей муж.

— Ну, тогда должны делать контрольный выстрел! — смеялся я.

— Мне опоздание запищут! — Машка расстроена, чуть не плачет.

Выхожу из машины, руки держу чуть в стороны, как балерина, чтобы было видно, что в них ничего. Иду к мустангу. Походка у меня при этом

несмелая, а спина — согнутая. Так, наверное, крепостные к барину подходили.

— А можно я отвезу дочь в школу и вернусь? Это рядом, а то мы опоздаем, — прошу.

— Езжайте, — отвечает мустанг. — Встретимся здесь же.

Даже не верится. Я отвёз Марию в школу, она выскочила и побежала к входу. Увы, мне уже не познакомиться с учителем, не помочь Маруське найти, где её новый класс. Меня дама ждёт.

Мустанг меня, верно, ждала. Она вручила мне “тикет” — бумажку о штрафе. Я не спорил. Потому что бесполезно. Этим можно только усугубить ситуацию. Я хоть и взволнован, но помню, что бобров и полицию надо уважать.

Когда полицейская машина уехала, посмотрел в “тикет”. Там было написано, что я ехал со скоростью 60 км/час по улице, где положено ехать со скоростью 40 км/час. Это было неправдой. Я ехал по улице, на которой движение — 60 км/час. Название улицы тоже было указано неправильно. Я решил идти в суд и оспаривать штраф.

И тут я увидел, что и время, в которое меня остановили, тоже указано неправильно. Там стоит “9:22”, а сейчас ещё 8:40. Сообразил, что в суде придётся доказывать, на какой именно улице дело было, а доказательств нет, но мне больше поверят, если я докажу, что и время указано неправильно.

Недалеко от моего дома — офис министерства транспорта. Я поехал туда. Должен успеть. Они увидят, что я в 9 часов у них, значит остановить в 9:22 меня никак не могли, значит, они могут на штрафной квитанции написать, что я у них нахожусь в 9 утра уже со штрафом. Стало быть, офицер написала неправду. А там, где одна неправда, там и две...

Так я рассуждал по своей русской логике.

В офисе министерства транспорта очередь. Я отстоял к окошечку, в котором сидел пузатый, будто надутый воздухом, блондин моего возраста.

— Мы таких справок не даём! — сообщил.

— Но вы видите, что я у вас, а ещё нет девяти утра, а офицер написала, что я ехал в 9:22 с непопозволенной скоростью, — объясняю. — Если вы подтвердите, мне легче будет доказать, что и улицу офицер неправильно указала, и вообще зря на меня штраф навесила. Тут дело не в деньгах, просто — зачем обманывать?

— А откуда вы знаете, какое время указано на “тикете”? — нагнулся ко мне Пузырь. — Может, это московское время?

Я застыл.

— Может, это московское время, а может нью-йоркское, а может парижское, — вертелся на стуле служащий, и по выражению его лица я так и не мог определить шутит он или всерьёз.

— По торонтскому времени, — наконец, проронил я изумлённо.

Он расхохотался:

— Не факт. Может быть, всё-таки, время московское, так что платите штраф.

Старичок в очереди тоже рассмеялся.

— Это вы мне про московское время потому, что я русский? — догадался я.

Пузырь смотрел с насмешкой.

— Вам нравится унижать иммигрантов, да? — произнёс я громко.

Очередь оглянулась на меня, но я уже не видел лиц. Я вышел и направился к своей машине. Лицо моё пылало. Мелькнула мысль об отъезде домой, но дома не было, и я знал, что никуда я не поеду. В Алма-Ату не вернёшься, русские там, когда я уезжал, в девяностые, были людьми второго сорта, а второго сорта я могу быть и здесь. В Россию ехать? У меня нет гражданства, да и жена не даст разрешения на вывоз ребёнка. А без разрешения на самолёт не посадят.

На пути домой я увидел машину мустанга. Увидел её внезапно, потому резко затормозил. Я хотел спросить у неё, зачем она написала не ту улицу, не то время и не ту скорость.

Я вышел из машины и направился к офицеру. Находясь во власти своей обиды, может быть, слишком резко захлопнул дверцу. Я заметил, как мустанг в машине вскинула голову на этот звук.

— Стоять! — скомандовала.

Я остановился и стал задавать ей вопросы с расстояния в три метра. Пытался приблизиться, она не разрешала. И не отвечала.

— Зачем вы написали не ту улицу? — горячился я. — Некому, что ли, штрафы выписывать? Я превысил, может быть, на пять километров, а вы написали на двадцать. Зачем? Ну, вы же человек, вы же не только офицер. Ну, что вы молчите? Не в деньгах дело! Просто надо же правду писать!

Она молчала и как будто не обращала на меня внимания. Её глаз за тёмными очками я не видел. Я не заметил, что кричу и машу руками, и не услышал, как сзади меня остановилась другая полицейская машина.

Я продолжал взывать к Мустангу на своём ломаном английском, а закончил громко по-русски:

— Как вы мне все надоели! И ваши голые парады, и ваша держиморда-полиция, и ваши корыстные бабы со своим маркетингом!

— Ваши документы! — внезапно потребовала Мустанг.

— Будут вам сейчас документы! — крикнул я и побежал к машине. Мне показалось, что сзади кто-то крикнул, но я не оглянулся. Я сел на переднее сиденье и стал рыться в бардачке. Меня трясло. Почему она со мной так? Почему нельзя мне просто хотя бы ответить?! Сердце скакало у меня не в груди, а в горле.

— Стоп! Бросай оружие! — раздалось рядом.

— Какое оружие? — оглянулся я, вынимая из бардачка свой чёрный бумажник с документами.

— Руки вверх! Не двигаться! — Неизвестный мне молодой полисмен стоял в метре от меня со странным прибором в руках. Он тоже был в тёмных очках. Да что ж они все, как роботы?..

— У меня нет оружия! — крикнул я и тут же вспомнил, что документы не в бумажнике, а во внутреннем кармане куртки, на груди. Я засунул руку в карман, и когда стал вынимать её, случилось нечто странное, я даже не успел понять, что.

Внутреннее полицейское расследование показало, что погибший уроженец Казахстана Алекс Суханкин в день инцидента был оштрафован за превышение скорости и в отместку за это через час разыскал офицера полиции. До этого он обругал служащего министерства транспорта, и свидетели из очереди подтвердили, что мужчина выбежал из офиса министерства с пылающим лицом, ругаясь.

Мистер Суханкин нашёл офицера полиции Эрин Уайтмор и стал угрожать ей расправой. Затем он побежал в машину, чтобы взять оружие. На требования полицейского наряда, оказавшегося свидетелем сцены, не реагировал. При попытке мистера Суханкина вытащить оружие офицер Роберт Уиллис применил к нему электрошоковый пистолет.

Случайные прохожие подтвердили, что мужчина кричал на женщину-офицера, а затем побежал к своему автомобилю и стал рыться, как будто что-то искал. Бывшая супруга погибшего Ирина Суханкина сообщила, что её муж принимал таблетки от депрессии, иногда выпивал и был груб и нетерпим. Он неоднократно на почве гомофобии оскорблял её и её гражданского партнёра Барбару Миллер, грозился убить миссис Миллер и миссис Суханкину, говорил, что их несовершеннолетней дочери такая мать не нужна. Миссис Суханкина также подтвердила, что у её супруга было больное сердце.

В машине мистера Суханкина обнаружен перочинный нож, который мог быть употреблён для убийства.

Патологоанатомическая экспертиза показала, что у погибшего Суханкина был врождённый порок сердца, и организм не вынес удара электрошоком. Внутреннее полицейское расследование показало, что Роберт Уиллис действовал в соответствии с инструкциями, защищая общественную безопасность.

ГРАДОНАЧАЛЬНИК И ВЕГА

Виолетта не любит своё имя. А её мать не любит, когда она об этом говорит. Обижается.

— Что, надо было тебя Леной назвать? Это всё равно, что пронумеровать! — заводится мать.

— Всё равно надо было не Виолеттой, — отвечает сорокалетняя дочь. Этот спор у них уже лет тридцать длится.

— А как?

— Мне нравятся древние римские имена.

— Перепетуя? Цецилия?

— Нет, правда же у них имена красивые? — мечтательно уводит глаза вверх Виолетта. Точнее, Вега. Так она переименовала себя ещё в юности, и все вокруг уже привыкли к тому, что эта хрупкая, невысокая женщина носит имя звезды.

— Да. Имена замечательные. Особенно мужские. Марк Трахал Пизон. Или Публий Галерий Трахал. Тебе какое больше нравится? — ехидничает мать.

Мать Веги, Лариса, преподаватель античной литературы. В России была преподавателем. А сейчас они с дочкой владеют цветочным магазином в Канаде. Уже почти двадцать лет. Но каждая о первой своей профессии не забывает. Лариса пишет научную работу, сравнивая литературу Древнего Рима и Греции, а Вега, окончившая Суриковское училище, в свободное время пишет картины. Для души — на разные сюжеты, чаще всего героические — из истории древней Руси, а для денег — портреты. На юбилей, свадьбы... Портреты хозяев магазинов и салонов красоты, риэлторов и прочих коммерсантов продаются в русскоязычной общине куда успешнее, чем “Оборона Козельска”.

Вега все двадцать лет чувствует себя белой вороной. Нет, всё хорошо: цветы покупают, деньги есть, муж — тоже (именно в этой, увы, последовательности), дочь учится в университете. Мама жива и здорова. И вообще, в Канаде очень комфортно, спокойно. Но про оборону Козельска поговорить не с кем. А ещё говорят, что уехали мозги.

Но это же блажь — понятно же. Ну, не знает большинство эмигрантов историю так, как она, ну, мало книг читают, и что? Если духовный вакуум — ездай в Россию, надышись, и назад... В тёплое, уютное канадское гнездышко. Которое выют вовсе не с помощью чтения, а одной сплошной пахотой.

Вега с матерью так и делают — ездят в Россию. Правда, не вместе, а по очереди. Магазин же не оставишь. Набегается Вега по московским театрам и галереям, и домой, в ридну Канадщину. С наполненной душой, набитыми чемоданами и радостным блеском в глазах. Потому, что Россия — уже совсем не та, что в девяностые. Страна на глазах лучшает, с каждым годом хорошеет. Вот в прошлом году улица, где Вега всегда селится в съёмной квартире на три недели, не была вымощена, а в этом уже вымощена, и ресторан на ней роскошный открыт. В прошлом году храм рядом только закладывали, а в этом уже стоит и храм, и колокольня!

Вега родину любит. Уехала в Канаду в середине девяностых, когда стране не нужны были ни художники, ни писатели, ни поэты. В общем, когда творческая интеллигенция глодала корку. Ну, поработала в “комке” продавцом, так её уже через неделю хозяин выгнал — не давалась в руки... В газете попыталась графиком-дизайнером поработать, наскоро окончив курсы, однако тоже не пошло. Зарплату перестали платить.

Мать вообще в то время голодала бы, если бы не спасалась тем, что на оставшейся от бабушки швейной машине шила мягкие игрушки — собачек и кошечек. На фабрике по дешёвке скупала лоскутки и строчила после занятий в университете. Там мизерную зарплату ей платили раз в три месяца.

И вот — Канада. Вега живёт здесь уже почти двадцать лет. И не то, что бы полюбила эту страну. Нет, она считает, что любит себя только своё. Чужое — уважается. Или не уважается. Нравится. Или не нравится. Но любит

только родное. Забодается по всему миру-то ездить и всё любить. Вон у неё сосед — сначала жил в Аргентине, потом в США, теперь в Канаде. А сам — еврей из Белоруссии. И любит, как говорит, только Израиль.

Так вот, Вега не то, чтобы полюбила Канаду, нет. Она привыкла к ней и относилась с пониманием, если можно так выразиться. Она видела в этой стране очень много хорошего и очень много плохого. И понимала. Что никто ей ничем не обязан. Что они сами, коренные канадцы, живут непросто. Тяжело работают, жизни духовной практически не имеют. А правительства их, лишь условно отличающиеся друг от друга, постоянно вводят какие-то странные законы, как будто специально придуманные для того, чтобы обыватель пугался и бледнел. Вот до невозможности расширили права органов безопасности — и канадцы вышли на митинги. Стоят себе, зайчики, с плакатиками. Тихонечко... Протестуют. Потом сворачивают плакатики, на которые власти и не посмотрели, и расходятся по домам.

Но стояли же! Тысячи человек. Вега в те дни ими восхитилась.

Или сексуальные новшества. Тут власти будто соревнуются меж собой — кто безумнее. То какую-нибудь программу сексобразования придумают, от которой родители в обморок падают, то про зоофилию постановят, что “без проникновения” в животное — это не секс, а бирюльки, потому всё позволено (наверное, надеются, что собаки и кошки будут звонить на “горячую линию” и докладывать, как дело было), то сообщают, что полов, оказывается, не два, а много, и туалетов диковинных для новооткрытых полов понаделают...

Вега была советским человеком. В многополость не верила, а вот версия о масонском заговоре, целью которого является превращение общества в безыдейное, бесполое, послушное стадо, смеха у неё не вызывала. Вызывала задумчивость. Хотя все окружающие эмигранты, про оборону Козельска не ведающие, во всю глотку ржали, услышав слово “заговор”.

Вега же, воспитанная мамой, знающей античные времена, считала, что заговоры — это перманентное состояние любого общества. Где власть, там и заговоры. Во всех странах и во все времена. Да что там страны! В каждой фирме время от времени — заговоры. Люди бьются за малёхонькое место под солнцем. А что уж говорить о большой власти и больших деньгах?

Открывая каждое утро газету, Вега читала заголовки: “В государственных учреждениях Квебека отменена молитва”, “Профессор вызвал скандал тем, что не хочет говорить о своих студентах, используя местоимение среднего рода”, “Выпускников христианского университета не принимают в адвокатские ассоциации потому, что в вузе они дали клятву не вступать ни в какие сексуальные отношения, кроме гетеросексуальных”. И каждый год, как заключительный аккорд: “Канада признана лучшей страной для проживания”.

Попробуй поспорь. Жить здесь действительно удобно. Ипотеку дают под маленький процент, у всякого есть машина. Бизнес вести безопасно. Коренные канадцы со всеми обращаются вежливо и дружелюбно, косяка на эмигрантов не дают. Картошка в магазинах мытая. Впрочем, Вега при поездках в Россию обратила внимание, что там в супермаркетах уже тоже картоху мытую стали продавать.

Так что жить в Канаде очень даже розово, если не читать газет. Но Вега продолжала читать. Она же не страус...

Вначале злилась, ругала Канаду. Потом стала жалеть её... Поняла, что как в девяностые с Россией творили что хотели, так и с Канадой сейчас. Только более мягкими методами. Так в России хоть народ — свой, поколениями там живущий, а стало быть, за неё стеной способный встать. А в Канаде — набрали со всего света людей, которые, “если завтра война”, разбегутся назад, по своим родинам.

Бедная страна, а она на них надеется! Клятву верности с них берёт...

Но, читая канадские СМИ, увидела Вега и местных героев. Коих немало. И которые ведут борьбу с Драконом по-рыцарски... Чаше это священники. Или верующие чиновники. Или верующие простые люди. Такие, будучи врачами, отказываются участвовать в “ассистировании при суициде” или, будучи владельцами типографий, не желают печатать греховную литературу,

за что их таскают по разным трибуналам, защищающим права человека. Такие с амвона говорят об информационной диктатуре — это когда выразить своё мнение вроде бы можно, но не по всем вопросам, а то затравят.

Давно привлёк её внимание мэр. Широкий, краснотлицый канадец ирландского происхождения. Килограммов под двести весом. Прославился он по всему миру тем, что не раз был встречен журналистами выпившим (в нерабочее, впрочем, время) и высказывался в разговоре с репортёрами так, что те от радости чуть не писали в штаны: будет скандал!

О, сколько им открытий чудных дал он в последние годы! Назвал чёрных словом на букву “н” — которое в России запросто везде писать можно, а в Канаде запрещено произносить, похвалил китайцев за трудолюбие и сказал, что скоро они обгонят весь Запад (за что его тут же заставили публично извиниться. Причём не за то, что низко оценил Запад, а за то, что посмел дать оценку китайцам), призвал отвязаться от России и много ещё всего непристойного произнёс.

Но Вега, которая газеты читала почти каждый день, заметила, что скандалы вокруг мэра начались с высказывания, что СПИДом болеют в основном гомосексуалисты и наркоманы.

Мэр был не Штирлиц. Он выдал себя. Белый расист, гомофоб, алкаш, с симпатией относящийся к русским (Путина похвалил однажды!), домашний насильник, ибо прошла информация, что бивал свою жену-француженку — что может быть гаже? Именно к таким выводам о мэре приходил любой, читая статьи.

Да ещё мэр начал сокращения в рядах чиновников, заявив во всеуслышание, что штаты раздуты, и нечего тратить деньги налогоплательщиков. Широким огненным потоком лавы обрушились СМИ на свою жертву. Его караулили у дома, у офиса, у загородного коттеджа. Не было знаменитости, каждый шаг которой СМИ так бы фиксировали. “Джед О’Фаррелл перешёл дорогу в непопозволенном месте!” — кричали заголовки, “Мэр уличён в том, что в баре с чёрными рэперами курил марихуану”, “О’Фаррелл назвал велосипедистов на улицах болью в заднице!”, “Мэр против того, чтобы убирать из публичных мест рождественские ёлки. Он не согласен, что они оскорбляют чувства представителей других религий”.

А О’Фаррелл будто специально подливал масла в огонь: в жаркие июньские дни, когда готовился гей-парад, уезжал в глубинку и вещал в подставленные ему и там микрофоны: “Я не могу пойти на парад. Я уже обещал общественности этого городка, что буду у них на соревнованиях по прыжкам лягушек”. А после и вовсе обнаглел. Заявил, что ему не нравятся голые мужчины и он не хочет на них смотреть. И сразу слёг в клинику, где лечат алкоголиков. Спрятался.

А ведь мэр, который был до него, возглавил в своё время гей-парад, хотя и был “стрейт” — натуралом. Шёл впереди приплясывающей толпы в трусиках и кожаных ремнях (а некоторые были и без этого) и выдувал мыльные пузыри. Кучерявый такой, дружелюбный, всем махал руками, чем и заслужил любовь наиболее продвинутых горожан. Без комплексов мужик.

Вега читала газеты и не могла понять: почему город растёт и хорошеет, открывает одну станцию метро за другой, коли у него мэр — такой обормот, как пишут в газетах? Да что там местные газеты! Мировая пресса уже писала о Джеде О’Фаррелле как о сумасшедшем клоуне. В России народ раскрывал газеты и улыбался: ну, что там ещё отчебучил этот канадский комик? Жириновский кленового разлива...

— А ты бы так смог? — однажды спросила Вега своего мужа, Толика, страхового агента.

— Как? — жуя сэндвич, спросил Толик, худой и бледный, и, в отличие от мэра, непьющий и тихий.

— Ну, вот так — взять и с высоты большого поста заявить о своих взглядах на то и на сё?

— Нет, — сразу ответил Толик. — Ссать против ветра? Зачем? Твои взгляды — это твои взгляды. Зачем о них сообщать? Ты публичная персона, так и выступай по существу.

— Но О'Фаррелл христианин, а не только мэр, — тихо заметила Вега, и невидимые крылья за её спиной поникли и слиплись. — Он не случайно роняет свои скандальные фразы, он — борется, кося под простачка... Правду говорить и голову не потерять разрешают только шутам...

— Один в поле не воин, — веско заметил Толик, подливая себе чая. — Голову сломит, и всё.

— Один в поле — воин, — сказала Вега, но муж её уже не слушал, он включил телевизор.

— Один в поле воин! — крикнула Вега, и ударила своей чашкой по столу так, что та треснула и содержимое выплеснулось. — Всегда должен быть тот, кто первым произнесёт! Мысли и идеи падают в массы и там варятся. Не сразу, но они сварятся! И после первого всегда придут другие! А первый — да, он погибнет.

— Ты с ума сошла? — строго спросил муж. Подбородок его дрожал от ярости. — Что ты до меня докопалась? Иди и целуйся с этим алкашом! Его вся Канада презирает. Он расист и алкаш!

— И гомофоб?

— Меня это не волнует! Меня волнует только ипотека, которую я плачу, а ты с утра на меня орёшь из-за какого-то мэра! И если хочешь знать — да, он гомофоб, и это мерзость, потому, что люди такими родились, и нельзя их травить! Я не такой, но они мне не мешают. А если бы я был мэром, я бы пошёл на их парад. Делов-то куча! Мне ничего не стоит, а им — радость. И не было бы никаких скандалов.

— Ты пошёл бы? — побледнела Вега.

— А, ну тебя! — яростно руганул рукой воздух Толик и побежал в коридор одеваться, выкрикивая на ходу:

— Ты надоела мне со своей политикой! Ты живёшь прошлым! Не можешь перестроиться! Ты советская тётка! И мать твоя — тоже! Незачем было ехать в Канаду, если не разделяешь её ценности! Здесь все равны, и никто не имеет права дискриминировать! А Россию ругают — да, ну и что? От неё не убудет. А мэр твой...

Вега далее уже не слышала. Она сидела с прямой спиной и потерянным лицом. Она думала о том, что всегда знала: Толик — чужой человек. Но были в нём хорошие черты: трудолюбивый, ответственный. Дочку любит. Ларису, тещу, не обижает. Скучный, зануда — это да. Но это же не самое худшее, что может быть в человеке? Да, он трус ещё. Но не в атаку же с ним ходить?

Так она успокаивала себя раньше. А сейчас думалось иначе. “Я потеряла с ним жизнь... Я просидела двадцать лет с ничтожеством”. Она вдруг увидела своё изображение в зеркале. Лицо было печальным, а брови — домиком. Можно без грима играть Пьеро.

Она пошла в спальню, включила компьютер, а когда он нагрелся, нашла в Фейсбуке страницу Джеда О'Фаррелла. И стала по-английски писать в “личку”: “Дорогой Джек! Я русская эмигрантка и хочу сообщить вам, что в нашей общине вас очень любят и уважают...” Вега остановилась и подумала. Да, уважают. Все её знакомые, в отличие от Толика, к мэру относятся хорошо и жалеют его, такого русского по характеру. И газеты русскоязычные о нём хорошо пишут. “Вы — настоящий. У нас, русских, есть детский рассказ, в котором ребёнок говорит про светлячка: “Он живой и светится”. То есть обычный светлячок — лучше любой дорогой игрушки. Потому, что это живая душа. Так вот у вас — живая, неравнодушная, открытая душа! Вы — смелый человек. И умный. Вы не боитесь в одиночку противостоять. Вы смеётесь в лицо своим трясущимся за посты и репутацию коллегам, вы один победили кучу журналистов. Они смотрятся жалко на вашем фоне. Бегают за вами, ловят каждый промах. Вы творите историю города. А они только описывают ваши дела...”

И вдруг в её “личке” стали появляться буквы, слова... Вега широко раскрыла глаза.

“Дорогая Вега, спасибо вам за поддержку. Мне очень приятно! Мне пишет много людей, которые меня поддерживают, но из русской общины пишете вы первая”.

За несколько секунд, пока Вега думала, что ответить, он написал: “Kak dela?” — и поставил смайлик.

Вега тоже поставила смайлик и написала: “Русские любят таких, как вы. Которые не скрывают мыслей и чувств. Я слежу за вашей деятельностью уже четвёртый год. Вы — замечательный. Я вас люблю”.

И поставила человечка, держащего в руках свое большое сердце.

О’Фаррелл молчал. Потом появилась строчка: “Вы красивая женщина”.

Вега была так взволнована, что подскочила и прошлась по комнате. Потом закрыла лицо руками. Что за человек! Он пишет это незнакомой женщине и не боится, что она журналистка или даже журналист-мужчина, который под фальшивым именем пытается спровоцировать мэра на скандальные высказывания. Вега уселась на стул и снова принялась строчить: “Мы не верим ничему, что про вас пишут. Вы хорошо всё делаете в городе. Выставляйте свою кандидатуру на следующие выборы. Многие в русской общине — за вас”.

И получила ответ: “Дорогая, спасибо большое. Я очень рад, что у меня есть поддержка в русской общине. Я люблю вас всех, будем вместе стараться сделать город лучше”.

Вега послала мэру всё, что имелось в наличии: цветы, торт, свечи, улыбки, сердечки. Он прислал ей картинку руки с выставленным большим пальцем. Мол, всё путём.

Вега не видела, что, когда она писала последние строчки, сзади подошла мать.

— Тот самый? — ахнула Лариса, увидев имя “Джед О’Фаррелл” у дочери в “личке”.

— Ага! — радостно кивнула Вега. — Представляешь? Отвечает простым людям. Комплимент мне сделал! А-а-а-а-а! Он такой классный! А как ты думаешь, может, стоит навестить его? Ну, скажем, принести в офис корзину цветов от любящих горожан?

Мать засмеялась:

— Хочешь стать его любовницей?

— Хочу! Ему сорок пять, мне сорок. Баран да ярочка. Хоть обласкаю мужика. Ты знаешь, что его супруга на него в полицию заявление подавала? Что будто бьёт?

— Так и бьёт, поди...

— Нет, он добрый, — мотнула головой Вега. — Я читала статью, там о нём писала женщина, которая лечилась в клинике от алкоголизма, когда он туда слёг. Она писала, что он очень добрый и ласковый с людьми, что он называл её птичкой, что подолгу разговаривал, без всякой спеси. А он, вроде как, миллиардер...

— Ну, выглядит, что так... Лицо у него доброе.

— Вот из меня бы мэриша получилась! — мечтала Вега. — Я бы ни слова поперёк ему не сказала, потому что работа трудная, и все преследуют... Встречала бы, ботинки бы снимала — такому человеку не грех и ботинки снять. Кормила бы и слушала, и жалела.

— Что-то я не представляю, — хихикнула мать. — Ну... всё прочее... он же двести кило. Это как под танк броситься.

Они расхохотались, а потом отправились на работу в цветочный магазин.

Вега не собиралась в любовницы. Она просто хотела поддержать О’Фаррела. Она знала, что известные люди часто одиноки при всём том, что вокруг них постоянно водят хороводы. Когда-то давно, ещё в детстве, они с мамой часто слушали радио и обе очень любили композитора Георгия Свиридова. Мама однажды сказала, что надо бы написать ему о том, какой он замечательный, сообщить, что они, Лариса и её дочка, его всегда слушают и считают лучшим композитором современности. А потом Лариса передумала, потому что решила: он такой известный, ему рукоплещут концертные залы всего мира, на что ему письмо какой-то преподавательницы провинциального вуза и её маленькой дочки? Стыдно отнимать время у занятого человека...

А позже, когда композитор умер, Лариса и Вега узнали из газет, что его травили в Союзе композиторов, травили настолько, что он писал в своём дневнике: “Я живу один, как пария, ко мне никто не ходит”.

Как, наверное, ему были бы приятны письма простых слушателей! Лариса пожалела, что постеснялась написать маэстро.

Потом Вега влюбилась в одноклассника, и любила его самоабвенно и отчаянно, но так и не раскрыла своих чувств, хотя по некоторым приметам догадалась, что и она ему нравилась. А потом он разбился на мотоцикле. С тех пор, сделав выводы, Вега старалась, если ей кто-то нравится, говорить человеку об этом. Пока не ушёл. И плевать, что он там подумает. Пусть считает, что она влюбилась, что восторженная дурочка, главное — чтобы ему стало теплее жить.

У градоначальника и Веги завязалась переписка. Ну, как переписка? Вега писала короткие тексты — свои впечатления от скандальных новостей о мэре, шутила, а он не то, чтобы отвечал, но, как она заметила — читал. И всегда присылал короткий, но ласковый ответ.

Нет, она ни за что не стала бы писать, если бы не видела обратной связи и того, что ему интересно. Однажды на проверку пропала. Так в личке у неё через неделю появилось: “Что случилось?”

И Вега продолжила свои записки.

Потом Джед стал отвечать чаще и его ответы стали длиннее. Тоже шутил. Спрашивал её, как бизнес. Делал комплименты. Сообщил, что выставил свою кандидатуру на выборах (о чём она уже знала), и предложил ей прийти на пикник в парке, который он устраивает для избирателей.

Она постеснялась прийти. Долго раздумывала, потом всё же не пошла. Он там будет в толпе обожателей — таковые у него имелись в изобилии. Газеты даже ехидно называли их “легионом О’Фаррелла”. И что, ей пробиваться к нему сквозь толпу? Зачем? Она ему и так всё сказала в “личке”. Она ж не “сыриха”, чтобы за знаменитостью бегать.

После этого не писала две недели. Не знала, как объяснить, почему не пришла. И получила от него короткую строчку: “Я соскучился”.

Отношения с мужем у Веги вконец испортились. Она перестала его замечать. Толик же обзлился и замолчал. Не разговаривал даже с дочерью. Но Вега не заморачивалась. С ним и раньше говорить не о чем было — разве что о страховках. Толик любил рассуждать о том, что жизнь полна неожиданностей, и половина из них — неприятные. Что от укусов комаров, пауков и других насекомых в мире умирает намного больше людей, чем в результате автоаварий и авиакатастроф. А потому надо солонку подстилать.

— Живя с тобой, хочется купить гроб, — вздыхала Вега.

— Ну да, и обложить его цветами из твоего магазина, — парировал Толик.

Вега на какое-то время перестала читать газеты, так как наступил май — время горячее, когда начинаются свадьбы. В Канаде не знали, что “жениться в мае — век маяться”, и вовсю женились. И нужны были свадебные букеты. Вега с Ларисой каждый день допоздна работали: они не только составляли букеты, но и снабжали свадьбы нарядными чехлами для стульев, скатертями, обвивали беседки гирляндами...

Вега решила повторить здесь красивую церемонию, которая существовала в её родном Томске. Там новобрачным давали мешок с голубями, и они выпускали птиц в парке, у Вечного огня. Голуби улетали, это снимали на видео, было романтично, красиво. Правда, у ног новобрачных оставался мешок с дерьмом: птицы, пока сидели в мешке, боялись, нервничали, и усиленно ходили под себя. А потом улетали, а помёт оставался. Вега думала, что это очень символично. Но новобрачные о плохом не думали и радовались красивому обряду.

Вега наблюдала много свадеб, и заметила, что будущую семейную жизнь пары можно предсказать уже по свадьбе. Ну, если знать о ней всё-превсё... Вот свадьба, где невеста сидит расфуфыренная, на пальце обручалка за несколько тысяч, а жених бежит как слуга, распоряжается, то и дело песню для неё заказывает и глаз не сводит... Это добрый знак. Хорошо, когда мужчина любит, а женщина позволяет себя любить. Такой брак прочнее.

Плохо, когда на невесте платье, купленное ею же самой, или, что ещё хуже, взятое напрокат. Значит, жених не соизволил потратиться... А там

ещё и кольцо самое дешёвое, или тоже самую ею купленное. И бегают такая невеста, распоряжается всем, и даже фату сняла, так как без неё сподручнее трудиться на собственной свадьбе. А женишок сиднем сидит, красавец.

Кажется, у Островского в одной из пьес: “Красивый мужчина женщине дорого обходится”. Попашет-попашет на него бабёнка, думает Вега, да и сломается — разведётся. А может, до конца жизни будет терпеть за его смазливость. Уже на свадьбе видно, что всё оплачено невестой. Из её нарядной белой сумочки идут деньги музыкантам, её спрашивает менеджер ресторана, не подать ли ещё и супердорогой коньяк...

Вега вздыхает и думает, что у неё Толька хоть на шее не сидел никогда, зарабатывал, зарплату отдавал. А то, что трусоват и скучен — да и ладно. Что уж теперь-то, через двадцать лет, жалеть?

Она перестала читать газеты, но по дороге на работу увидела на столбе плакат о том, что в центре города намечается демонстрация против убийства христиан на Ближнем Востоке. Её это тронуло. Она видела страшные фотографии распятых в Сирии людей, окровавленные трупы. Решила пойти. Пусть видят, что и русские переживают за христиан Востока.

Утром выходного дня она надела джинсы, куртку — накрапывал дождик, удобные туфли без каблука, положила в сумку российский флаг — одно полотно, без древка, Владимирскую икону Божьей матери — свою любимую — и поехала на метро в даунтаун. Так удобнее — не надо для машины искать стоянку.

Когда вышла, сразу увидела толпу, человек с тысячу, у здания парламента. Подошла к ней, оглядела. Были в основном арабы, пакистанцы, индийцы. Белые канадцы тоже присутствовали. Вега привязала себе на шею полотнище российского флага — он стал ей как мантия, доставал до земли, и взяла в руки икону. И к ней сразу дружелюбно обратилась белая женщина: “Это украинская икона?”

— Нет, русская, — ответила Вега.

Лицо у женщины вытянулось, и она с холодным видом отвернулась. А Вега сообразила, что неправильно ответила, ведь икона — общая, и поняла:

— Икона и русская, и украинская. Мы один народ.

Женщина посмотрела на неё ошарашенно и опять отвернулась. Вега подумала, что она, наверное, украинка. Потомок западнцев, которые приехали в Канаду ещё в начале двадцатого века. Дико им, конечно, слышать, о русско-украинском единстве.

Тем временем на маленькой сцене, предназначенной для митингов, стояли несколько человек. Все англосаксы. Священники, лидеры каких-то организаций. Одного священника Вега знала по газетам. Это самый известный пастор Канады, мистер Йен Хопкинс. Борец против сексуального образования и абортов. Баптист. У него в интернете многотысячная группа и авторитет среди христиан всей страны.

Он вышел вперед и поднял руку, призывая к тишине. Все замерли. Священник начал говорить об ужасах, что творятся в Ираке и Сирии, а затем произнёс:

— Мусульмане! Мы любим вас...

И замер. И толпа замерла. Все вглядывались в себя: а любим ли? Как христиане, должны любить, не должны перекладывать вину террористов на всех мусульман. Но — получается ли? Вега думала об этом же и ощущала укор совести — она не находила в себе любви. Слишком много ужасов показывало телевидение... И хотя понятно, что “ящику” не должно быть полной веры, но всё равно действовало...

Вега почувствовала, что все вокруг думают то же самое и испытывают такую же вину, что не смогли полюбить. Она давно заметила, что когда стоишь в толпе единомышленников, — а она в данный момент стояла среди людей, которым безразлична война на другом конце планеты и которые переживают о жертвах этой войны среди христиан, таких же, как она сама, — так вот, когда стоишь в толпе единомышленников, абсолютно понятно, что толпа чувствует. Есть некое незримое, но осязаемое поле. Общее.

И без всяких слов понятно, одобряет ли толпа выступающих, осуждает ли, возмущена ли или, напротив, обрадована.

И сейчас Вега почувствовала растерянность людей, их минутную подавленность тем, что они не ощущают в своих сердцах любви к тем мусульманам, которые ни в чём не повинны.

— Мусульмане! Мы любим вас, — повторил священник. — Но мы никогда не предадим Господа нашего, Иисуса Христа!

И толпа взорвалась аплодисментами, и выдохнула...

Потом на трибуну выходили разные выступающие, говорили что-то, но Вега отвлеклась. День был пасмурный, накрапывал мелкий дождик, и собравшиеся на митинг выглядели мокро и бедно. Она обратила внимание, что люди одеты плохо. Чёрные и серые куртки и пальто, недорогие джинсы, потрёпанные сумки. Вега поняла, что стоит среди бедняков. Среди почти нищих, которые обладают отзывчивым сердцем.

Вега вдруг будто отделилась от своего тела и с расстояния в несколько метров увидела всех — весь митинг, и себя в том числе. Несчастные люди, не обладающие никакими рычагами власти, работающие на своих маленьких рабочих местах, получающие маленькие деньги и страдающие оттого, что где-то творится зло. Из пятиmillionного города их тут собралось с тысячу. Донкихотов, желающих что-то там показать сильным мира сего... Хотя бы просто пройти с фотографиями жертв. Ей стало больно за них и страшно за мир, в котором на митинг в защиту без вины уничтожаемых ходят только бедные.

— Разрешите? — К ней подошел высокий, худой чернокожий мужчина в длинном чёрном плаще. Он указал пальцем на икону. Вега поняла, что он хочет приложиться, и подставила. Он поцеловал уголок иконы, там, где одеяние Богородицы. Перекрестился, сказал “спасибо” и отошёл.

Тем временем Йен Хопкинс призвал всех идти к американскому посольству. И толпа пошла. По тротуару одной из главных улиц города. Впереди шли священники и лидеры общественных организаций. А за ними, чуть ли не приплясывая, народ. Вега пристроилась к лидерам, она видела видеокамеры журналистов и ей хотелось, чтобы они запечатлели женщину с русской иконой и флагом. Чтобы все сирийцы и иракцы Канады видели — они русским не безразличны. Русские их жалеют.

К ней подскочил журналист с камерой.

— Что означает ваш флаг и икона? Почему вы пришли на демонстрацию? — спросил он, и Вега сказала, что это русский флаг и русская икона, и она пришла потому, что её, как и всю Россию, и Русскую Православную Церковь, волнует судьба христиан Ближнего Востока. Что русские переживают и молятся за то, чтобы зверства прекратились. И Запад должен приложить все усилия для установления мира на этой древней земле.

Журналист отбежал к другим, Вега оглянулась и вдруг застеснялась. За ней шествовала толпа, по виду и поведению напоминающая цыганский табор. Выглянуло солнце, и люди порасстёгивали куртки и пальто. Под ними оказались цветастые рубашки и платья, под платьями ещё и шаровары, и вся эта толпа шествовала, почему-то напевая и приплясывая. Лицом к ним, то есть задом наперёд, как рак, шёл пакистанский религиозный деятель. Священник их. Он что-то диким, рычащим голосом, выкрикивал своей пастве. Кричал просто-таки дурниной, а толпа отвечала. Это была какая-то речовка... Вега подумала, что если бы в её церкви священник так кричал, она бы со страху описалась. Она взглянула на Йена Хопкинса и увидела, что он, не оглядываясь на тех, кого ведёт, улыбается в усы. Слегка опустив голову, скрывая улыбку. Он, видимо, не в первый раз предводительствовал такой демонстрацией, и знал, что творится у него за спиной.

Они дошли до американского посольства и встали через дорогу, напротив. Посольство было огорожено высоким забором. Металлические острые прутья. И судя по всему, никого внутри не было. Выходной.

А может, и были. Вега вглядывалась в окна. Там, наверное, есть камеры, которые записывают, что творится вокруг.

Йен Хопкинс снова произнёс речь, а за ним стали выступать разные другие деятели. Это были антивоенные речи. Под конец слова попросил парень

с израильским флагом на плечах. Незадолго до этого он сказал Вега, что является христианином, и расспросил, много ли христиан среди советских евреев. Парень попросил у Йена Хопкинса слова в оригинальной манере. Он сказал, что поскользку евреи были первыми христианами, он имеет право закруглить митинг на иврите.

Никто не протестовал. И парень что-то произнёс на своём языке. Короткую речь. Ему захлопали, хотя никто ничего не понял. Хопкинс взял у него микрофон и поблагодарил всех за то, что пришли. Сказал, что Бог видит их равнодушие к страдающим на Ближнем Востоке и вознаградит за доброту. Всем стало приятно. Поверили. Расслабились, стали знакомиться друг с другом, образовались кучки, человек по пять-семь. Потом вдруг чернокожий, который целовал икону, громко произнёс:

— Тут рядом госпиталь, в котором лежит Джек О'Фаррелл. Давайте пойдём туда и помолимся за его здоровье!

Вега обомлела. А потом спросила мужчину:

— А что с ним?

— Опухоль мозга. Все газеты писали, — ответил чернокожий, пока люди строились в колонну, чтобы пойти к госпиталю. — Он и кандидатуру свою снял с выборов.

Вега не пошла. Она отправилась домой — расстроенная и растерянная. Когда уходила, чернокожий поблагодарил её:

— Спасибо, что вы пришли. Приятно осознавать, что русские — с нами.

Дома Вега перечитала в интернете все городские газеты, которые сообщали, что внезапно у мэра нашли рак мозга, его будут оперировать, но он держится весело, с оптимизмом. В выборах больше не участвует.

— У меня, наверное, паранойя, — сказала Вега матери. — Мне почему-то кажется, что его раком заразили. Есть же такая версия, что это инфекционное заболевание... Уго Чавес вот тоже неудобным был. Они испугались, что О'Фаррелл победит...

— Кто знает, может и так, — вздохнула мать. — Жаль Джеда. Ведь куча всякой швали живёт, а такой человек...

Она ушла стирать, а Вега открыла папку, где лежали сканированные файлы, и обомлела. Там была засканирована её переписка с мэром. Все, вплоть до "Я соскучился".

Она выскочила на кухню, где Толик ужинал.

— Зачем? — спросила, чувствуя нервную дрожь.

— Денег заработаем, — глупо ухмыльнулся муж. — Ты представляешь фурор? Идут выборы, а тут появляется инфа, что женатый мэр ухаживает за эмигранткой. За цветочницей. Да ещё и русской. Газеты будут орать про русский след, называть его бабником, а мы получим деньги. Ты понимаешь?

— Я всё стерла!

— А я записал на флэшку.

— Отдай немедленно! — закричала Вега. — Он болен, он снял свою кандидатуру с выборов!

— Да? Не знал. Жаль. Значит, заплатят меньше. Но скандал всё равно у нас в кармане.

Толик встал и ушёл. И когда она побежала за ним в спальню, оказалось, что он там закрылся.

— Я не выпущу тебя! — кричала Вега, сидя под дверью. — Ты никуда не пойдёшь!

— Дура, — спокойно отвечал Толик. — Газеты нам столько заплатят, сколько ты и не видела разом. Я, правда, не знаю сколько просить, но, думаю, сумму всё равно дадут солидную. А то цветочки свои продаёшь и думаешь, что это деньги... А мэру твоему что? Одним скандалом больше, одним меньше...

Вега постелила себе у дверей спальни, в которой спал муж, но утром пропустила тот момент, когда он приоткрыл дверь и, переступив через неё, вышел. Она рванулась за ним, в чём была, — в пижаме — и догнала у двери. Пыталась выхватить портфель, где, думала, находится флэшка. Дочь выскочила из комнаты и смотрела на всё это круглыми глазами.

Анатолий вырвался и, прыгнув в машину, поехал. Вега села в другую машину и рванула за ним. Обратила внимание, что Толик едет в центр — туда, где расположены здания главных газет. Улучив момент, когда на дороге было пусто, Вега нажала на газ и ударила автомобиль Толика сзади. Несильно, но чтобы он почувствовал удар. Он тоже нажал на газ, чтобы оторваться. Вега снова догнала, и снова ударила, уже сильнее. И Толик остановился. Он вышел из машины бледный и спросил:

— Ты с ума сошла? Сама будешь обе машины ремонтировать! За свои деньги, дура!

— Буду, — тяжело дыша, отвечала Вега. — Флэшку гони. Я убью тебя, подлеца. Меня посадят, дочь одна останется...

— Да пошла ты! — Толик бросил флэшку на землю, сел в машину и уехал.

Вега подняла её, всё ещё не веря в удачу (а вдруг это другая?), и что есть мочи понеслась домой — проверять, что на ней. Ехала и плакала. Вот козёл! Какой же козёл!

С этого дня она стала всякий раз сразу же стирать свою переписку с Джедом. А там было не так уж много... Она выражала ему сочувствие, писала, что он непременно поправится. Потому что сильный и ещё нестарый. Он отвечал в обычной своей манере — ласково и весело. Потом пропал. Потом написал, что очень плохо себя чувствует.

В газетах же появилась информация, что он идёт на поправку. А через месяц — что рак вернулся.

И Вега поняла: это конец. И почувствовала, что и он это отчётливо осознал. Она продолжала писать ему ободряющие слова. А он ответил: “Нет, я уже не выздоровею. Но я не расклеился, я приму всё, как положено мужчине и христианину. Хотя очень жаль оставлять этот мир”.

И тогда Вега написала то, что на самом деле думала с самого начала, как только услышала о его болезни. А думала она, что он, конечно, не выздоровеет. Потому, что слишком хорош. А Бог — “Он самых лучших выбирает и дёргает по одному”. Праведники не живут долго, писала мэру Вега, потому, что земная жизнь — это испытание. И тот, кто быстро доказал, что он готов жизнь положить за други своя, — солдаты на фронте или те, кто спасает девушку от хулиганов в тёмной подворотне, или просто добрый человек, который всех жалует, раздаёт милостыню, — такие не живут долго. Борцы за справедливость, то есть опять же те, кто жертвует собой ради других, тоже уходят рано. А вот самые отъявленные грешники, самые страшные негодяи — те живут дольше всех. Например, военные преступники. Их ведь время от времени то в Канаде находят, то в Аргентине, то в Уругвае... Им под сто лет, а копят землю. А всё почему? Бог до последнего ждёт покаяния.

Джед несколько минут не отвечал, а потом написал: “Пожалуй, я согласен”. И попросил: “Приходи к госпиталю, я посижу на тебя в окно”.

И Вега в назначенное время пришла. В бирюзовом плаще и таких же туфлях на высоком каблучке. С большим букетом чайных роз. Она встала напротив госпиталя, и смотрела в окна пятого этажа. В одном из них вскоре увидела его — полного и бледного. Лысого. Помахала ему. Потом подбросила цветы в небо так, что они попадали вокруг. Потом принялась танцевать русский танец, используя вместо платочка салфетку. Упёрла руки в бока, выдывала ногами кренделя, а он стоял и смотрел. Она не могла разглядеть, улыбается он или нет. Но старалась, плясала. Даже если смеётся над ней, то пусть. Пусть она выглядит глупо, лишь бы развлечь его...

Когда приехала домой, от Джеда было сообщение: “Это было бесподобно. Будь счастлива!”

Через десять дней газеты сообщили, что мэр скончался.

На похоронах Вега плакала. Она стояла в огромной очереди, где видела и женщин, утирающих слёзы, и мужчин. Кого здесь только не было! Эмигранты со всего света, чёрные и белые, азиаты, коренные канадцы, старики и подростки... Но всё это — бедные люди или люди среднего достатка. А ведь мэр слыл богачом. Но любил его лишь простой народ. Чиновников на похоронах не было.

Газеты продолжали злобствовать, с иронией писали о “легионе О’Фаррелла” и выставляли фотографии непременно тех людей, которые смотрелись поплоче. Рабочего вида мужиков в ковбойских сапогах и клетчатых рубашках, татуированных девушек. Всё это должно было убедить читателей, что за гробом шёл “трэш” — мусор. Но люди не обращали внимания на газетные статьи.

А потом целую неделю после похорон в соцсетях крутилось и крутилось видео, которое все ставили себе на страницы: краснолицый, рыжий толстяк танцует в зале суда, куда его однажды притащили, обвинив в — ни больше, ни меньше — нападении на трансвестита. Доказать нападение не удалось, так как оказалось, что мэр был очень далеко от места происшествия, когда на сексменьшинство напали. Но организаторам иска нужен был не приговор, а шум вокруг мэра...

И вот, О’Фаррелл оправдан, и танцует перед камерами ненавидящих его журналистов. Широкий, с добрым лицом и весёлыми глазами под рыжими бровями. Он взмахивает руками, на которых пальцы, как сосиски, и, одаривая окружающих задорной улыбкой, приплясывая, удаляется. Удивительно легко протискиваясь сквозь узкий дверной проём.

А широкими дверями он никогда и не ходил.